

сергей романюк

НИКОЛЬСКАЯ УЛИЦА, ИЗВЕСТНАЯ ВСЕМУ МИРУ

ОДНА ИЗ ДРЕВНЕЙШИХ УЛИЦ МОСКВЫ –
ПРИЮТ МОНАСТЫРЕЙ, КНИЖНЫХ ЛАВОК,
МАГАЗИНОВ И ПЕРВЫХ КОФЕЕН

Сергей Романюк

**Никольская, улица
известная всему миру**

«Центрполиграф»

2015

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

Романюк С. К.

Никольская, улица известная всему миру / С. К. Романюк —
«Центрполиграф», 2015

ISBN 978-5-227-07869-8

Никольская – сейчас популярная пешеходная улица в центре Москвы, но и вместе с тем – одна из древнейших улиц. Никольская проходит между Красной и Лубянской площадями и, словно продолжая Большую Никольскую улицу на территории Кремля, наряду с Ильинкой и Варваркой является одной из главных улиц Китай-города. Обилие архитектурных достопримечательностей делает это место интересным как для горожан, так и для туристов. Во время чемпионата мира по футболу эти 638 метров стали местом встреч болельщиков разных стран и прославили Никольскую на весь мир.

УДК 908(470-25)
ББК 26.89(2-2Москва)

ISBN 978-5-227-07869-8

© Романюк С. К., 2015
© Центрполиграф, 2015

Содержание

Никольская	7
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сергей Романюк

Никольская, улица известная всему миру

© Сергей Романюк, наследники, 2018

© «Центрполиграф», 2018

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2018

* * *

Никольская

До недавних исследований считалось, что нагорная часть Китай-города заселилась значительно позже его низких частей, тех, что были ближе к реке, но благодаря раскопкам археологов, которые одни только и способны представить неопровержимые свидетельства о далеком прошлом, в этой части города население появилось еще по крайней мере с домонгольских времен, то есть примерно со второй четверти XIII в.

При раскопках, проведенных С.З. Черновым в Историческом проезде, было обнаружено, что застройка в то время была ориентирована согласно направлению кремлевской Никольской улицы, шедшей от Никольского крестца (перекрестка у Чудова монастыря, образованного Троицкой и Чудовской улицами), и далее под углом к направлению современной Никольской улицы к Тверской.

Посад пережил трудные времена, когда Москва была разорена «литовщиной», то есть нападением литовского князя Ольгерда в 1368 и 1370 гг., когда был сожжен весь посад под кремлевскими стенами, и нападением в 1382 г. золотоордынского хана Тохтамыша, обманом захватившего город и опустошившего его: «Бяше бо дотолє видети град Москва велик и чуден, и много людий в нем и всякого узорочья, и в том часе изменися, егда взят бысть и пожжен». Новая застройка следовала уже современному направлению Никольской улицы – по высокому левому берегу Неглинной, переходила на Сретенский холм и далее на север. Она служила продолжением Никольской улицы в Кремле и, естественно, стала так называться и тогда, когда оформилась застройка вдоль нее. Мнение о названии ее по Никольскому монастырю на этой улице, основанному значительно позже, кажется неосновательным. Никольской она называлась до 1935 г., когда в раже искоренения всего старого ей дали неудобное для произнесения имя – улица 25 Октября, по дате (старого стиля) большевистского переворота в Петрограде. В Москве в 1917 г. по этой улице с боями продвигались отряды восставших по направлению к Кремлю, последнему оплоту защитников законного правительства, и историк П.В. Сытин считал, что улицу называли «в память того, что артиллерийским обстрелом с этой улицы были разбиты Никольские ворота и Красной гвардии открылась дорога в Кремль»(!). Две 42-линейные японские пушки привезли из Лефортова, поставили на углу Богоявленского переуллка и стреляли из них по Никольским воротам Кремля.

В 1990 г. улице вернули историческое имя.

Один из первых москвоведов, Иван Михайлович Снегирев, описывая Никольскую, сказал, что ей «суждено быть обителью и приютом художеств и наук». На ней издавна стояло несколько монастырей, центров образованности Древней Руси, тут был Печатный двор и книжные лавки, на ней возникла Славяно-греко-латинская академия, здесь стояли иконные лавки. На так называемом Сигизмундовом плане, датированном 1610 г., по обеим сторонам улицы обозначены «мастерские художников».

Богоявленский переулок

На Никольской находилось несколько обширных усадеб, принадлежавших знатым фамилиям – Телятевским, Шереметевым, Черкасским, Романовым, Долгоруковым и др.

По Никольской улице ежегодно проходили три крестных хода – 21 мая к церкви Владимирской Богоматери, 23 июня и 26 августа в Сретенский монастырь. Этими шествиями отме-

чались знаменательные даты в истории Москвы – спасение от орд Тамерлана в 1395 г., от золотоордынского хана Ахмета в 1480 г. и крымского хана Махмет-Гирея в 1521 г. В начале Никольской устанавливались триумфальные арки к торжественным случаям.

Как и другие большие посадские улицы, Никольская была оживленной торговой артерией, и неудивительно, что на улице, одной из первых в Москве, появились популярные среди иноземных купцов кофейни. В конце XVIII в. такая кофейня, открытая поляком Бацем, была в доме Кусовникова (№ 8), а другая, грека Стронгило, в доме Шевалдышева (№ 4), где наверху находился «съестной трактир», а внизу – «Цареградская кофейня», в которой подавались глинтвейн и левантский (то есть привезенный из Малой Азии) кофе, а посетители курили трубки и читали единственную тогда газету «Московские ведомости». Впереди жилых домов, усадеб, монастырей по линии улицы выстраивались лавки, в которых продавались самые разные товары. Особенной известностью пользовались иконные лавки, о которых на Никольской писал в XVII в. чех Бернгард Таннер: «Есть еще одна большая улица, по которой проезжает царь, куда бы ни отправился; она простирается от Кремля и занята не иными кем, как живописцами. Они много делают образов на продажу, потому она у москвитян и заслужила название священной улицы». Иконы, как святые предметы, нельзя было продавать, и фактический акт продажи заменяли так называемым «променом». Делалось это таким образом: покупатель, снимая головной убор, говорил: «Я желал бы выменять икону», в ответ продавец снимал картуз и начинался торг с непокрытыми головами. Продавец назначал «божескую» цену, покупатель в ответ просил его назначить «божескую» вполтину, а то и меньше, или покрывал голову, говоря этим, что он откажется от покупки, но в конце концов они приходили к соглашению. Правда, не только иконами торговали на этой улице, власти в 1753 г. отметили, что там «торгуют наружно на самую ту болшую улицу плетми и кнутьями и протчею неприличностию».

Книгами на Никольской торговали еще с конца XVIII в. В частности, на ней находились три лавки Никиты Кольчугина, в которых продавались книги известного просветителя и издателя Н.И. Новикова. В самом начале улицы открыли торговлю Матвей Глазунов и Тимофей Полежаев, а по линии Заиконоспасского монастыря наряду с иконными лавками обосновались десятки книгопродавцев, а некоторые торговали и в самих монастырских воротах. У Казанского собора в 1831 г. открыл лавку внук того самого Кольчугина Иван Григорьевич. Одним из многочисленных посетителей кольчугинской лавки был известный собиратель П.А. Ефремов, нашедший у него немало раритетов. Многие книготорговцы имели лавки на дальнем от Красной площади конце Никольской, у церкви Троицы. После 1812 г., когда на Красной площади сгорели все книжные лавки, многие книгопродавцы переселились на Никольскую улицу: по сведениям справочника по Москве 1826 г., из 34 книжных лавок на Никольской находилось 17. Улица до 20-х годов XX в. еще сохраняла репутацию «книжной улицы», но впоследствии торговлю книгами вытеснили с улицы, и только недавно появились два книжных магазина.

Никольская привлекала своей бойкостью, оживленностью, множеством магазинов. Вот впечатления писателя середины XIX в. Ивана Кокорева: «Домище на домище, дверь на двери, окно на окне, и все это, от низу до верху, усеяно вывесками, покрыто ими, как обоями. Вывеска цепляется за вывеску, одна теснит другую; гигантский вызолоченный сапог горделиво высится над двухаршинным кренделем; окорок ветчины красуется против телескопа; ключ в полпуда весом присоединился бок о бок с исполинскими ножницами, седлом, сделанным по мерке Бовыкоролевича, и перчаткой, в которую влезет дюжина рук; виноградная гроздь красноречиво довершает эффект „Торговли российских и иностранных вин, рому и водок“». В конце XIX в. вышло фундаментальное издание «Живописная Россия», где в томе, посвященном Москве, популярный писатель П.Д. Боборыкин описывал Никольскую: «От одиннадцати до четырех жизнь кипит в ней круглый год – и зимой и летом. Приезжий петербуржец, никогда не бывавший в Москве, попади он прямо в Никольскую, хотя бы в летний день, в жару, будет поражен этой кипучей городской жизнью. В Петербурге и на Невском в эти часы летом сонно и мало-

людно, а тут неумолкаемый гул и водоворот бойкой ярмарки. Никольская извивается неправильной линией от Казанского собора до Владимирских ворот, и на всем своем протяжении тешит взгляд приезжего своими красками и сгущенностью бытовой жизни. Сначала идут лавки с писчебумажным, медным, серебряным, книжным товаром и прерываются часовнями и воротами монастырей. По левую руку выступает нарядное, изящное здание синодальной типографии светло-голубого цвета, потом Славянский базар – средоточие движения приезжих туристов. Правее идут трех- и четырехэтажные дома сплошной линией, усеянные вывесками, с внутренними дворами, переполненными конторами и складами. Замыкается улица старинной церковью и аркой ворот, откуда с Лубянской площади вид в глубь Никольской – один из самых оригинальных, дающих вам и чувство исторической старины, и впечатление новой городской бойкости».

В советское время Никольская потеряла свой облик, будучи заполненной многочисленными учреждениями, но только недавно здесь появилось много магазинов, привлекающих туристов.

Яркий по своей декоративной отделке (№ 5), единственный памятник на Никольской улице кратковременного господства модерна, то есть «современного» стиля, или, как он назывался у французов, стиля «нового искусства», или немецкого «стиля молодых». Обращает на себя внимание капризно изогнутая линия карниза, характерные для модерна детали – женские головки, акцентированно тяжелые формы карниза и львиные маски, намекающие на автора проекта – Льва Кекушева (в одном из своих особняков он даже поставил на карнизе весьма реалистичную фигура льва). Как знак того, что здание построено в центре древней Москвы, он поставил высокую и крутую «теремную» крышу. Наверху сохранившаяся до сего времени надпись: «Никольские ряды».

До постройки нынешнего здания на Никольскую выходил один из корпусов бывшего монетного двора, протянувшийся по улице почти от Казанского собора до Заиконоспасского монастыря, переданный под размещение губернских учреждений – присутственных мест, в которые входила и управа благочиния, как называлась одно время полиция. С Никольской был и главный вход в управу, у которого летом 1812 г. с жадностью расхватывались прокламации московского главнокомандующего графа Ф.В. Ростопчина, повествовавшие о войне с Наполеоном.

В конце XIX в. удачливое Петербургское общество страхований, располагая значительными свободными денежными средствами, развернуло в Москве активную строительную деятельность. На Театральной площади оно приобрело Челышевские гостиницу и бани и начало строить вместо них культурно-гостиничный центр «Метрополь». Деятели этого общества (Нечаев, Григорович и князь Святополк-Мирской), пользуясь возможностями и средствами общества, предприняли возведение торговых рядов на Никольской, надеясь на немалый доход на оживленной улице рядом с популярными Верхними торговыми рядами. Сначала проект здания разрабатывался архитектором общества А.А. Латковым, однако строительный комитет Министерства внутренних дел его не одобрил, и инициаторы обратились к молодому, но уже известному архитектору Льву Кекушеву. Он рассказывал: «Тогда мне поручено было его [проект] изменить, что я и сделал, после чего проект был утвержден. Я являлся производителем этих работ в качестве архитектора, состоящего на службе в Домостроительном обществе... С весны 1899 года я приступил к постройке. Сначала производили сломку прежних зданий... Никольские ряды я выстроил вчерне и покрыл крышей; внутренней отделки никакой не производил. В таком положении были Никольские ряды в момент ухода моего со службы Домостроительного общества, т. е. к апрелю 1900 года. После меня достраивал ряды Шуцман» (Сергей Сергеевич Шуцман – помощник Кекушева и автор нескольких особняков и жилых домов на Спиридоновке и Поварской, в Скатертном и Малом Козихинском переулках).

Гостиница «Метрополь»

Строительство велось очень быстро, так как деятели страхового общества с нарушениями закона пользовались счетами и ресурсами, выделенными на «Метрополь», почему и было назначено следствие, материалы которого сохранились в Московском историческом архиве. Как свидетельствовал подрядчик, «Никольские ряды строились очень быстро, а „Метрополь“ целыми днями стоял без кирпича. У нас на „Метрополе“ стояла целая артель в 500 человек, которая целыми днями, дня два, три была без дела подряд – на дворе не было ни одного кирпича».

Уже в октябре 1900 г. газета «Новости дня» писала, что «новые Никольские торговые ряды очищены от лесов и на днях будут открыты для торговли. Вместе с новыми домами Синодального ведомства (имеются в виду два дома Заиконоспасского монастыря, № 7 и 9. – *Авт.*), которые также очищены от лесов, Никольские ряды представляют эффектное зрелище, в pendant находящимся на противоположной стороне улицы Верхним торговым рядам». Никольские ряды были закончены 11 ноября 1900 г.

В них торговало много фирм, и в их числе знаменитая фирма Оловянишникова, славившаяся своими высококачественными изделиями церковного обихода. Там же находились и музыкальный магазин, и магазины шляп, обоев, кожаных изделий и др.

В советское время торговля прекратилась и ряды были заняты разными учреждениями, в частности, тут находилась типография издательства «Прометей».

За фронтом солидных доходных домов (№ 7–9) скрывается один из великолепных образцов московской архитектуры и замечательное памятное место в истории русской культуры – Заиконоспасский монастырь, где сохранился Спасский собор и несколько зданий, в которых помещалась Славяно-греко-латинская академия, первое высшее учебное заведение России.

Но откуда же такое название у монастыря – Заиконоспасский? Назывался он «монастырь Спаса Нерукотворного, что за иконным рядом», так как стоял он за иконными лавками по Никольской улице. Он также носил название «Спасский монастырь на Песках», так как стоял на песчаной почве, или «на Никольском крестце», то есть на перекрестке, где сосредотачивалась торговая и общественная жизнь в этом районе, примерно у нынешнего перекрестка Никольской с Богоявленским переулком. Еще одно название этого монастыря, «Старый» или

на «Старом месте», может свидетельствовать о том, что он был основан довольно давно: один из исследователей XIX в., архимандрит Леонид, предположил, что монастырь стал так называться после перевода Иваном III Спасского кремлевского монастыря далеко от Кремля на берег Москвы-реки, где он получил прозвание «Новый». Он писал, что «исходя из того свидетельства, что с построением „Спаса Нового“ в 1491 г. Спасский монастырь в Китае-городе стал именоваться „Спасом Старым“, следует заключить, что монастырь этот был основан гораздо ранее конца XV века». Однако достоверных документов о дате основания монастыря не найдено, и его ранняя история неясна. В «Списках иерархов», составленных Строевым, перечисляются игумены Спасского монастыря, только начиная с Макария, который игуменствовал с 1620 г. Исследователь застройки северной части Никольской улицы А.А. Клименко, основываясь на внимательном рассмотрении первых планов-рисунков Москвы, предположил, что Заиконоспасский монастырь до 1600 г. был частью соседнего Никольского, и только после этой даты, отделившись, стал самостоятельным. Возможно, что так и было, удивительно только, что никаких подтверждений такому неординарному событию, как разделение монастыря на две части, нигде до сих пор не обнаружено.

О состоянии Заиконоспасского монастыря в XVII в. свидетельствует опись, которую произвели после пожара 1626 г. Первые строки этой описи гласили: «Лета 7134-го [1626 г.] мая в 12 день, Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович всея России и отец его Государев Великий Государь Святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всея России велели окольному князь Григорью Константиновичу Волконскому да дьяку Василью Волкову ехать в Кремль-город и в Китай для того, в нынешнем в 134-м году мая в 3 день загорелся в Китай-городе дворы и Китай-город выгорел, и от Китая Кремль-город выгорел, а отнять было нельзя потому, что в те поры ветры были великие, да и потому, что улицы и переулки и тупики были перед прежним тесны...»

Законоспасский монастырь

Великие государи велели заново обмерить дворы и восстановить прежние размеры улиц и переулков. По этой описи в монастыре, который занимал вдоль Никольской 14 саженей между Земским двором слева и Никольским монастырем справа, было две церкви: «на Никольской улице Спасской монастырь церковь каменная Нерукотворенного образа», а на улицу выходила монастырская ограда со Святыми воротами, у которых стояла деревянная церковь. Позднее в монастыре остался только один храм – нерукотворного образа Спаса.

В 1660 г. тщанием боярина князя Федора Федоровича Волконского была построена двухэтажная (внизу Спасская, а наверху Скорбященская) церковь, где находилась доска с такой надписью: «Лета 7168 [1660 г.] Апреля в 30 день начата быть строитися церковь Всемилюстивого Спаса Нерукотворенного Образа, строил по своему обещанию Боярин князь Федор Фео-

дорович Волконской, а совершена 7169 года [1660 г.], Ноября в 30 день». Волконский с юности был близок ко двору, стоял неоднократно у царя «по правую руку в рындах», а при свадьбе царя Михаила был «у царского коровая»; при дворе Волконский, как и многие тогда, «местничал», то есть боролся за соответствующие его родовитости назначения: когда ему сказали стоять рындой вместе с князьями Пожарскими, то он посчитал это назначение неподобающим ему. Федор Волконский активно и плодотворно участвовал и в военных действиях, и в дипломатических переговорах при царях Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче.

Верхнюю церковь во имя иконы Богородицы Всех Скорбящих Радость закончили в 1661 г. и освятили 20 ноября того же года. Однако существующее строение монастырского собора относится к 1709 г. (возможно, 1715 г.): тогда выстроили церковь с характерными круглыми окнами-люкарнами, двумя изящными высокими восьмериками с большими окнами и декоративной главкой – это один из самых изящных архитектурных памятников московского барокко. Как считают некоторые исследователи, здание собора является произведением зодчего Ивана Зарудного, основываясь на сходстве деталей с Меншиковой башней и церковью Иоанна Воина на Якиманке, принадлежность которых его руке, однако, отнюдь не доказана. В пожар 1737 г. верхняя церковь сгорела; ее выстроили заново в 1742 г. и освятили в присутствии только что вступившей на трон императрицы Елизаветы Петровны. При архимандрите Порфирии (между 1842 и 1848 гг.) была выстроена и колокольня над Святыми воротами.

В монастырском соборе в 1717 г. был похоронен известный ученый Иоанникий Лихуд, на могиле его была высечена такая эпитафия:

О путнике, что мимо идеши?
Стани, прочитай...
Се, лежит здесь человек Божий,
Ангел Восточныя Церкви...

Там же покоится и проповедник, поэт и ученый Симеон Полоцкий, скончавшийся 25 августа 1680 г.; по указанию его воспитанника царя Федора Алексеевича над могилой поставлены каменные доски с вырезанной на них эпитафией, сочиненной его учеником Сильвестром Медведевым.

Во дворе можно видеть строения, вытянувшиеся параллельно Китайгородской стене, в которых находились классы и залы Славяно-греко-латинской академии и помещались ее учителя и ученики. Прямо против ворот – самое старое из них, так называемый Братский (учителя были и монахами, «братьями» Заиконоспасского монастыря) или Учительский корпус, состоящий из двух разновременных частей. Двухэтажная часть датируется 20-ми гг. XVIII в. (архитектор И.П. Зарудный), а трехэтажная, в свою очередь, составлена из двух частей: два нижних этажа построены в последней трети XVII в. (возможно, в 1686 г.), а третий этаж и общее оформление фасада в 1886 г. (архитектор В.Д. Шер). В Братском корпусе жили наставники академии, бывшие в то же время и монахами Заиконоспасского монастыря; его второй этаж занимался квартирами настоятеля, префекта академии и преподавателей, а на первом помещались студенты. Это здание вполне достойно мемориальной доски – в нем жили знаменитые просветители XVII в. Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев.

Здание академии, или Коллегиум, находится с левой стороны. Оно было выстроено специально для помещения учебного заведения, место для которого выбиралось самим патриархом Иоакимом: он 3 июня 1685 г. «ходил в Спасов монастырь для досмотру мест, где строить каменные палаты для учения учеников книжного писания», а через два года, 12 октября, тот же патриарх уже «ходил в новопостроенные каменные школы, что построены в Китае подле Спасского монастыря», и по дороге подал милостыню «Земского приказу колодникам, что сидят под палатою». Здание строилось на 2 тысячи рублей, крупную сумму, завещанную иеродьяко-

ном Мелетием, но этой суммы было мало, и князь Василий Голицын, один из самых образованных русских вельмож, способствовал возведению и казенными средствами, и своими собственными. По словам автора истории академии С.К. Смирнова, здание ее «было каменное, трехэтажное, длиною 15, шириною 5 сажен и 2 аршина, вышиною более 6 сажен (1 сажень равна 2,13 м, 1 аршин 0,71 м); передним фасом оно обращено было к городской стене, а на стороне, обращенной к монастырю, опоясано было хорами; смежный корпус, расположенный к востоку в связи с зданием Академии, назначался для помещения ректора и учителей. Последний корпус был о двух этажах и шел до самого Никольского греческого монастыря. В месте соединения двух корпусов, в углу, образовавшемся от выступа здания Академического, выстроена была башня, называвшаяся после звонковою: в ней устроены были лестницы, ведущие на хоры среднего и верхнего этажей; с хор двери вели в классы. Хоры были деревянные, шириною в 5 аршин, и утверждались на каменных столбах». Публичные диспуты происходили на втором этаже в обширной зале с кафедрой и портретом царя Федора Алексеевича. Коллегиум пострадал от пожара 1812 г., был разобран и построен вновь в 1821 г.

В западной торцевой части двора, там, где теперь проложен проход с Никольской на площадь Революции, находился монастырский сад, где в «комедийном амбаре», то есть школьном театре, ставились пьесы, в разыгрывании которых обязательно участвовали студенты академии.

От улицы монастырь был отгорожен линией лавок. Их в 1753 г. велено было сломать, так как их ступеньки далеко выходили на улицу, делая ее тесной. Вместо них построили два здания, которые были заняты книжными лавками.

Теперь же по линии Никольской стоят солидные дома (№ 7 и 9), построенные монастырем для получения дохода на торговой и оживленной улице. Еще в 80-х гг. XIX столетия монастырь предполагал снести обветшавшие книжные лавки на месте современного здания под № 7, но тогда не хватило средств на новое здание, и только в 1895 г. удалось начать стройку по проекту, присланному от петербургского архитектора М.Т. Преображенского, и закончить ее под надзором московского – С.У. Соловьева в 1897 г. В этом доме и находятся так называемые Школьные или Училищные ворота, через которые сейчас можно пройти во внутренний двор.

С правой стороны от дома № 7 на месте старых низких строений с невысокой монастырской колокольней в 1899–1900 гг. по проекту архитектора З.И. Иванова выстроен дом (№ 9), фасад которого обработан деталями русской архитектуры. Как бы поддерживая старинные традиции Никольской улицы, в этом доме, справа на первом и втором этажах, поместился большой книжный магазин известной фирмы И.Д. Сытина. Здание включило в себя и новую монастырскую колокольню, высотой 22 сажени (без малого 50 м), которая было далеко видна на Никольской. Она повторяла формы завершения колокольни знаменитой Успенской церкви XVII в. на Покровке. Освящение ее состоялось 17 ноября 1900 г.

В нижнем ярусе колокольни находились Святые ворота монастыря, над которыми под киотом поставили большую икону Спаса, выполненную на зеркальном матовом стекле размерами 4 аршина в высоту и 2 аршина в ширину (почти 5 кв. м).

Заиконоспасский монастырь особо отмечен в летописях русской культуры: тут находилось первое российское высшее общесословное учебное заведение, первый росток, давший начало большому дереву русского высшего образования.

Во времена Бориса Годунова, мудрого правителя, желавшего привить своей стране современное просвещение, возникла идея создания по примеру западных университетов русской высшей школы, родившаяся, надо думать, в результате его бесед с иностранцами, но воплощению ее помешали отечественные ретрограды-церковники, как огня боявшиеся любой свежей мысли, а в особенности приходящей с Запада. Как цитирует Карамзин современника, Годунов, «желая со временем видеть своих подданных людьми образованными и сведущими, предложил Государственному Совету выписать из Германии, Италии, Испании, Англии и Франции ученых мужей и для изучения разных языков учредить школы; но Монахи и Попы сказали,

что их Государство обширно и велико, но единоверно и единоправно; что если в нем будут говорить не одним Русским языком, а разными, то согласие и мир исчезнут. Борис оставил сие намерение, однакож послал 18 молодых Дворян в чужие земли».

В продолжение XVII в. несколько раз предпринимались попытки открыть школу в Москве, но уже не университетскую высшую, а чисто практическую – необходимо было приготовить знающих переводчиков.

Заиконоспасский монастырь тесно связан с памятью выдающегося просветителя, поэта, педагога, богослова Симеона Полоцкого. Молодой и талантливый проповедник и поэт Симеон Ситнианович обратил на себя внимание самого царя Алексея Михайловича, когда он в 1656 г. проезжал через Полоцк и слышал его торжественные стихи «Метры на пришествие государя». Симеон переезжает в Москву, становится воспитателем и учителем в царской семье. «В стенах дворца впервые появляется придворный стихотворец, и самая новость этого занимательного и приятного явления не могла не располагать в его пользу», – отмечает исследователь.

Симеон Полоцкий, как авторитетный знаток богословия, активно включился в борьбу со старообрядцами. Он написал книгу ответов на челобитные старообрядцев, назвав ее «Жезл правления на мысленное стадо православно-российския церкви...», которая была названа церковным собором «жезлом из чистого серебра Божия слова».

Симеон Полоцкий много сделал для распространения просвещения на Руси, выступая против сторонников невежества и суеверий в Москве, обличая грубость нравов, бесчинство, пороки, злоупотребления. Он – автор нескольких театральных пьес, не слыханных еще в Москве. Симеон Полоцкий пишет несколько книг для своих учеников, и, в частности, «Букварь» для маленького царевича Петра Алексеевича:

Отрок юный, от детства учися,
Письмена знати и разум потщися;
Не возленися трудов положить,
Имать бо польза многая быти.

Сразу же после приезда в Москву ему поручают организовать школу молодых подьячих Тайного приказа для приготовления переводчиков с латинского, тогда международного, языка в Заиконоспасском монастыре. Для школы летом 1665 г. из сумм приказа выдали «к хорошему строению, что в Спасском монастыре за Иконным рядом, в которых учитца по латиням» 100 рублей.

Эта школа положила начало латинскому образованию в Москве. Она просуществовала около четырех лет и была закрыта по проискам противников изучения латинского языка и проникновения западной образованности в Россию, в особенности консерватора и ретрограда патриарха Иоакима.

Симеону Полоцкому, возможно, принадлежит и проект создания академии, куда должны были приниматься «всякого чина, сана и возраста люди, точию [т. е. только] православныя Христианския восточныя веры приходящие ради научения». К 1682 г. относится «Привилегия» на открытие нового для России учебного заведения: «Божией милостью Великий Государь, Царь и Великий Князь Феодор Алексеевич... благоволим в царствующем нашем и богоспасаемом граде Москве при монастыре премудрости и смысла подателя Всемилоственного Спаса, иже в Китае... на взыскание юных свободных учений мудрости, и собрания общего ради от благочестивых и в писании божественном благоискусных дадскалов, изощрения разумов, храмы чинов Академии устроить; и во оных хоцем семена мудрости, то есть науки гражданския и духовныя, наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной даже до богословии учащей вещей божественных, и совести очищения постановити. При том же и учению правосудия духовнаго и мирскаго, и прочим

всем свободным наукам, ими же целость Академии, сиречь училищ, составляется быти... на житие блюстителю того училища и учителем монастырь Всемилоствитого Спаса иже во граде Китае близ Неглинных врат, на строение же училищ по чину Академии земли подле того монастыря к Неглинным вратам... в длину на 18 сажений поперек на 16 сажений... Благоволим... при монастыре... храмы чином Академии устроить...»

Согласно этому документу, для академии предоставлялся «монастырь Всемилоствитого Спаса иже во граде Китае близ Неглинных врат». Так как Заиконоспасский монастырь был небольшим, то для новой академии к его участку прирезали землю из соседнего Земского приказа, которая сдавалась частным владельцам (Ортышке Ветошникову и Панкратию Петрову) – «в длину на 18 сажений поперек на 16 сажений» (несколько больше 600 кв. м). Для материального обеспечения монастыря к нему приписывались 7 других монастырей с их землями и доходами, а в академию отдавалась царская библиотека.

Симеон Полоцкий воспитал талантливого ученика Сильвестра Медведева, который и жил вместе с ним в Заиконоспасском монастыре. Сильвестр «от юности возраста был многоречив и остроглаголив», ученик школы по дьячих Симеона Полоцкого в Заиконоспасском монастыре, он добился больших успехов, изучая историю, философию, богословие, греческий, латинский, польский, немецкий языки. Жил он в самом монастыре, где ему отвели «богатеишую из иных всех келлию», он был и книжным справщиком, для чего требовалось немалое знание богослужбных книг. После смерти своего учителя он – издатель рукописей Симеона Полоцкого и преемник его просветительской деятельности. Сильвестром Медведевым в 1685 г. при правительнице Софье было подано прошение об учреждении академии при Спасском монастыре, которая утверждается в 1686 г.

Создание первого высшего учебного заведения в России было делом образованнейших людей того времени, а в особенности князя Василия Васильевича Голицына, покровительствовавшего украинским ученым Епифанию Славинецкому, Симеону Полоцкому и его ученику Сильвестру Медведеву. Был составлен проект академии, в котором объявлялось: «Сему нашему от нас, Великого государя, устроенному училищу быти общему, и всякого чина, сана и возраста людем, точию православныя Христианския восточныя веры приходящим ради научения, без всякого зазора свободному...»

Вокруг создания академии развернулась нешуточная борьба, которая была частью более общих тенденций в русском обществе конца XVII в., борьба мракобесов, боящихся всего нового, а особенно всего, что шло с Запада, и приверженцев выхода России из самоизоляции, косности, загнивания, подобного восточным деспотиям, угрозы потери независимости, отставания от значительно более передовой технической культуры, борьба, которая в разных формах идет и в настоящее время... Приверженцем старого и отжившего была воинствующая православная церковь в лице патриархов и высших иерархов с животным страхом «латинства» и боязнью иностранцев, прикосновение к которым считалось невозможным. Даже православные украинцы и греки были несколько ущербными, они считались не совсем чистыми, не истинными христианами.

Само знание латинского, тогда международного, языка общения образованных людей, воспринималось как признак измены истинной религии: призывали хранить «стадо Христово от латинского писма и книг, яко все в них есть учение антихристово», то есть лучше быть невеждой, чем просвещенным и образованным, ибо это было невозможно без овладения западной наукой. Симеон Полоцкий и Сильвестр Медведев убеждали правящую элиту способствовать насаждению «свободных наук», рассматриваемую как часть продуманной государственной программы преодоления отставания России, они заботились о престиже государства, призывая «отгять понос... что Россия не весть наук знати».

В Москву в 1685 г. прибыли греческие ученые братья Иоанникий и Софроний Лихуды, и тогда с новой силой разгорелась борьба между двумя ветвями православия, «латинствующей»

и «греческой», по поводу формальных и незначительных различий процесса богослужения, которые возводились в необоримый принцип. Внешнее отражение этой борьбы двух направлений проявилось в споре о времени пресуществления святых даров, то есть о времени преобразования обычных хлеба и вина в процессе религиозной службы в нечто более существенное – в тело и кровь Христа. Интересно отметить, что этот схоластический спор о граничащих с магией ритуалах вызвал живой отклик в обществе: как писал современник, «разглагольствовали не токмо мужи, но и жены и дети, везде друг с другом – в схождениях, на пиршествах, на торжищах».

Благодаря поддержке ревнителя московской исключительности, боящегося всякого дуновения с Запада патриарха Иоакима, верх взяли сторонники греческого образования, а покровительство царевны Софьи и князя Василия Голицына обернулось для Сильвестра Медведова бедой: после падения их в борьбе с Петром Медведева арестовали и приговорили к отсечению головы, что было приведено в исполнение 11 февраля 1691 г. Как писал знаменитый русский историк С.М. Соловьев, «Московская академия по проекту царя Феодора – это цитадель, которую хотела устроить для себя православная церковь при необходимом столкновении своем с иноверным Западом; это не училище только, это страшный инквизиционный трибунал: произнесут блюстители с учителями слова: „Виновен в неправославии“ – и костер запыхает для преступника. И при царе Феодоре, как после при брате его Петре, наука призывалась с практической целью: разница в том, что при Феодоре она призывалась преимущественно на служение церкви, а при Петре – на служение государству».

Иоанникий и Софроний Лихуды учились в Венеции и Падуе, где после девяти лет в университете получили докторские дипломы. Их рекомендовал Москве константинопольский патриарх как знающих учителей. Они отправились в Москву и прибыли туда в 1685 г. после того, как они неволей участвовали «во многих бедах и мучениях, на земли и по морю многодневно, многочастне и многообразне случившихся». В Богоявленском монастыре для них построили две кельи, и они стали учить там в новообразованной школе. В Заиконоспасский монастырь, в Славяно-греческую академию, они перешли с осени 1687 г., когда там тщанием князя В.В. Голицына построили трехэтажный академический корпус.

Ученики новой академии пользовались вниманием высших церковных властей: «198 г. (1689) декабря 27, по божественной литургии ко св. патриарху в Крестовую полату приходили из школы, что за Иконным рядом, учитель иеромонах Софроний и с ним ученики его Греческого языка реторического, грамматического и книжного Греческого и Словенского учения, и в Крестовой полате пред святейшим патриархом и освященным собором Христа славяли пением греческого согласия и говорили гречески и словенски о Христове воплощении от божественных писаний многия речи и орации св. патриарху с поздравлением, и св. патриарх пожаловал им...»

Любопытно отметить, что Лихуды учили не только греческому, но и современному итальянскому языку, сначала частным образом (это первая частная языковая школа!), а с 1697 г. по царскому указу. В школе у Лихудов было 55 учеников, среди которых были князья Прозоровские, Хованские, Черкасские, а с ними и дети дьяков и купцов.

Значение братьев Лихудов для распространения образования в России было велико: у них учились будущие управляющий Печатным двором, автор первой истории академии Федор Поликарпов, справщик синодальной типографии в Москве Алексей Барсов, первый ректор академии и первый русский доктор философских наук Палладий Роговский, первый русский доктор медицины Петр Постников. Они деятельно участвовали в переводе Ветхого Завета на русский язык, а Синод назвал их труды «достохвальными, достополезными и всем известными».

Братьев, однако, удалили из академии в 1704 г. из-за происков иерусалимского патриарха и в основном из-за того, что они писали в Константинополь о положении дел в Российском

государстве, а этого потерпеть уже не могли московские власти, которые и сослали братьев в костромской Ипатьевский монастырь, где жили они в «напастях».

Преподавание в Московской академии велось по образцу известной Киево-Могилянской академии. Всего было девять классов. Сначала ученики учились читать и писать, в качестве учебных книг использовались азбука, «Часослов» (то есть тексты суточного богослужения, часов), «Псалтирь» (книга псалмов, песнопений); потом они переходили в первый класс академии, «фару», где уже преподавалась латынь, а во втором, «инфиме», изучалась грамматика славянского и латинского языков, катехизис (от греческого слова, означающего поучение; изложение вероучения в виде вопросов и ответов), в третьем, «грамматике», и четвертом, «синтаксиме», продолжалось изучение славянской грамматики, а также географии, истории, арифметики, катехизиса; пятый класс, «пиитика», был посвящен латинскому языку уже в полном объеме: студенты писали сочинения на исторические темы; в шестом, «риторике», упражнялись в составлении и произнесении проповедей и стихосложении. Два последних класса – философский и богословский – завершали академическое образование.

Переход в нижних классах происходил после экзаменов, которые заменялись в высших публичными диспутами, проводимыми на латыни. Искусство составления и произнесения проповедей считалось одним из самых важных. Они произносились в Спасском соборе, который был академической (учебной) церковью, и там, около левого клироса, стояла церковная кафедра, откуда и произносились проповеди, за кафедрой стояла икона святого Митрофана Воронежского с раскрытой книгой со стихами, которые и сейчас отнюдь не потеряли злободневности:

Употреби труд,
Храни мерность,
Богат будеши!
Воздержно пей,
Мало яждь,
Здрав будеши!
Твори благо,
Бегай злаго,
Спасен будеши!

В числе учащихся академии были выходцы из самых разных слоев общества: князья Одоевские и Голицыны, родственники патриарха дети Тимофея Савелова, а с ними и сын конюха, и лакеи, и монахи. Студенты академии пополняли состав других учебных заведений, особенно медицинских, где очень нужно было знание латыни, а при основании университета при Петербургской академии из Московской академии было затребовано несколько хороших студентов, в числе которых был и Михайло Ломоносов. Из исследований историка А.И. Рогова известно, что студенты посылались и за границу: во Францию и даже в «Персиду» овладевать турецким, арабским и персидским языками.

В петровское время попечителем – «протектором» – академии назначили митрополита Стефана Яворского, сторонника изучения латинского языка, и академия становится «славяно-латинской» (только в 1738 г. было восстановлено изучение греческого языка). Государство рассматривало академию как источник образованных и полезных для него людей и часто, не дав кончить учебный курс полностью, посылало студентов в разнообразные места. Только к середине XVIII в. академия становится узкословным духовным учебным заведением. В 1775 г. академию возглавлял московский митрополит Платон Левшин, один из самых замечательных русских церковных деятелей, один из самых известных проповедников (его звали «апостолом московским»), автор нескольких учебных книг. Лучше всего его характеризует то,

что он не побоялся отозваться о преследуемом Новикове: «Желал бы побольше видеть таких христиан». Платон много хорошего сделал для академии, при нем она существенно расширилась – там насчитывалось более тысячи учеников, он же построил «бурсу», двухэтажное здание с правой стороны участка вдоль Китайгородской стены, предназначенную для студенческого общежития.

Памятник М.В. Ломоносову

Из стен Славяно-греко-латинской академии вышли многие известные деятели русской культуры. Среди них поэты А.Д. Кантемир и В.К. Тредиаковский, математик Л.Ф. Магницкий,

историк Н.Н. Бантыш-Каменский, изобретатель русского фарфора Д.И. Виноградов, географ С.П. Крашенинников, профессора Московского университета А.А. Барсов, Н.Н. Поповский, С.Г. Забелин, первый русский врач П.В. Постников, историк митрополит Евгений Болховитинов, архиепископ Августин Виноградский, московский митрополит Филарет Дроздов. Самым же знаменитым воспитанником академии был крестьянский сын М.В. Ломоносов, пришедший вместе с рыбным обозом из Холмогор в январе 1731 г. в Москву. Первую ночь он провел в санях на Рыбном дворе (вероятнее всего, в Китай-городе) и, как рассказывается в его биографии, «на завтрее проснулся так рано, что еще все товарищи его спали. В Москве не имел ни одного знакомого человека; от рыбаков, с ним приехавших, не мог ожидать никакой помощи; занимались они продажей только рыбы своей, совсем об нем не помышляя. Овладела душою его скорбь, начал горько плакать...». Однако свет был не без добрых людей, его приютили, и он направился к Сухаревой башне поступать в Навигацкую школу, но оказалось, что ее уже перевели в Петербург, а вместо нее там расположилась просто «цифирная школа», где обучали арифметике. Этой науки ему «показалось мало», и он подал прошение в Славяно-латинскую академию, написав, что происходит из дворянского сословия – уж очень страшился он, что откажут: ведь только недавно Синод предписал «помещиковых людей и крестьянских детей, также непонятных и зловердных отрешить и впредь таковых не принимать». К зловердным он не относился, а вот к крестьянским детям имел прямое отношение. Но... приняли, и двадцатилетний юноша среди малышей принял за учение. «Школьники, малые ребята, кричат и перстами указывают: смотри-де, какой болван лет в двадцать пришел латине учиться», – вспоминал Ломоносов. Учился он жадно, в то время как другие резвились, сидел в монастырской библиотеке и рылся в книгах. За один год Ломоносов окончил три класса, быв первым по успехам; на втором году писал латинские стихи. А его стихотворение:

Услышали мухи
Медовые духи,
Прилетевши, сели,
В радости запели;
Едва стали ясти,
Попали в напасти,
Увязли бо ноги.
Ах! плачут убоги,
Меду полизали,
А сами пропали, —

заслужило слова преподавателя «pulchre» – «прекрасно».

Так и учился Михаил Ломоносов, имея, как вспоминал он позднее, «со всех сторон отвращающие от наук пресильные стремления, которые в тогдашние лета почти непреодоленную силу имели... имея один алтын в день жалованья, нельзя было иметь на пропитание в день больше как на денежку хлеба и на денежку кваса, прочее на бумагу, на обувь и другие нужды. Таким образом жил я пять лет и науку не оставил». В 1734 г. Михайлу Ломоносова в числе лучших студентов послали в Петербург в академический университет.

Славяно-греко-латинская академия находилась в Заиконоспасском монастыре с 1686 по 1814 г., потом ее перевели в Троице-Сергиеву лавру, ибо считалось, что духовная академия должна быть «удалена от рассеяния, свойственного многолюдным городам. Долженствуя быть духовным обществом ученых людей, она должна быть в таком месте, где бы ученый круг не был, так сказать, поглощаем коловращением политическим». Ее преемница – Московская духовная академия – помещается там и сейчас. В Заиконоспасском же монастыре находилось сперва духовное училище (до 1822 г.), потом Московская духовная семинария, переведенная

из Николо-Перервинского монастыря, а с 1852 г. Заиконоспасское духовное училище, вместо которого в советское время в бывшем здании Коллегиума находилась средняя школа, одно время даже носившая имя Ломоносова.

В советское время монастырь и храм его закрыли, колокольню снесли (в 1924 г.), в Святые ворота вставили трансформаторную будку, а надвратную икону выбросили. Недавно икона Спаса опять появилась на этом строении, и храм передали верующим.

В левом здании (№ 7 по Никольской; там помещена мемориальная доска) находилось акционерное общество «Радиопередача», созданное в октябре 1924 г. Оно организовало первую радиопередачу в Москве, состоявшуюся 24 октября; радиопрограммы передавались из студии отсюда на Сокольническую радиостанцию четыре раза в неделю, потом ежедневно, а затем дважды в день. Здесь же были редакции «Рабочей радиогазеты» и «Новостей радио по радио». Тут по всей улице разносились звуки «горластого громкоговорителя», собиравшего по вечерам толпы слушателей. Газета «Правда» сообщила 14 июня 1925 г., что «общество „Радиопередача“ организует трансляционный радиоузел на своей радиостанции. С этим радиоузлом соединяются прямым проводом большой зал Госконсерватории, Большой театр, Государственный Экспериментальный театр, Колонный зал Дома союзов, большая аудитория Политехнического музея и Кремлевский, быв. Андреевский, зал. Предполагается передача по радиостанции им. Коминтерна и имени Попова концертов, опер, лекций, заседания и т. д. из этих мест».

Тут же была и первая телевизионная студия. Официальная дата начала телевизионного вещания – 1 октября 1931 г. Тогда применялись механические, а не электронные системы, и качество передач оставляло желать лучшего. Передачи проводились на средних волнах и принимались в самых удаленных местах. Вот, к примеру, отзыв телезрителя из Саратова на концерт с участием А.М. Мессерера, исполнявшего танцы из балета Глазунова «Раймонда», и арфистки К.А. Эрдели: «Особенно хорошо было видно арфу. Три года назад мы видели артистку Эрдели, но тогда с трудом разбирали, что она делает руками», или письмо от телезрителя с впечатлениями от концерта артистов Всесоюзного радиокомитета Казанцевой и других: «Казанцеву было видно хорошо, балет плохо. Желательно трико сменить на черное и сделать экран более темным. Балет выбирайте с более медленными движениями». Механическое телевидение еще продолжало работать около десяти лет, хотя и было ясно, что будущее за электронными системами.

Это же здание на Никольской – колыбель свободного радиовещания в Москве. Тут в 1991 г. работала на средних волнах станция радио «Эхо Москвы», получившее всесоюзную известность в августовские дни, когда кагэбэшники ее закрывали, обрывая провода, но она все равно выходила в эфир.

Далее по Никольской – строения Николо-греческого монастыря (№ 11–13).

Как писал известный археолог Л.А. Беляев, много сделавший для выяснения истории московских монастырей, «в археологическом и архитектурном отношении мы практически не имеем никаких сведений» о Никольском монастыре.

Он назывался «Николой Старым» и «Николой Большая Глава» (очевидно, потому, что соборная церковь его, разобранный еще при Петре I, имела большую главу или, как пишет автор «Обозрения Москвы» А.Ф. Малиновский, от большой головы Николы Чудотворца, изображенного на местной иконе), а также «у Крестного целованья», так как в монастырской церкви обычно приводили к крестному целованию, то есть к присяге. Монастырь также назывался «что на Крещатике», то есть на «крестце», оживленном пересечении нескольких улиц, и «за иконным рядом», а также «за ветошным рядом», что дало повод разыскивать его в современном Ветошном проезде; по этому поводу известный археограф П.М. Строев писал: «Каких жалких догадок не делали о местоположении монастыря Св. Николая Старого? Где не отыскивали его, как будто какую Трою?»

Надо отметить, что Никольский занимал особое положение среди других московских монастырей: он неизменно упоминается в связи с высшими иерархами церкви и с важными событиями в Москве.

Так, первое упоминание о нем содержится в летописи под 1390 г., где он уже называется «Старым». Летописец отметил тогда приезд в Москву митрополита Киприана, в продолжение многих лет добивавшегося этого сана и пытавшегося подсадить митрополита Алексия, выдающегося церковного и политического деятеля во времена великого князя Дмитрия Донского. Князь резко выступал против Киприана и как-то приказал его арестовать: его схватили, ограбили, бросили нагого и голодного в сырую клеть, а впоследствии выгнали из Москвы. Прошло около четырнадцати лет, и только при сыне Дмитрия Донского великом князе Василии митрополит Киприан наконец-то прибывает в Москву. Далеко за городом, у села Котлы, его встретил с почетом сам великий князь с супругою, с братьями, со свитой и «со всеми христианы и бысть радость велия». Оттуда, как повествует летописец, все «поидоша в град Москву», где митрополит «облечеса у Николы у Старого», а уже далее он проследовал «к святей Богородици», где «сел на своем столе» (то есть занял митрополичий трон в кремлевском Успенском соборе. – *Авт.*).

Никольский монастырь был местом заключения новгородского архиепископа Иоанна, которого великий князь приказал митрополиту Киприану задержать в Москве во время распри с новгородцами. Летопись отмечает, что архиепископ «сидел в нятии (то есть в заключении. – *Авт.*) на Москве три лета и шесть месяц у Николы у Старого».

Именно в этом монастыре митрополит Филипп I спасался от одного из многочисленных московских пожаров – в 1473 г. загорелось внутри Кремля: «Погоре много дворов, и митрополичь двор згорел... также и градная кровля, и приправа вся городная, и что было колико дворов близ того по житничной двор городской выгорело». Митрополит «от пожара того вышел бе из града в монастырь святого Николы Старого». Когда великий князь Василий III задумал освободиться от жены Соломонии под предлогом ее бесплодия, то он велел ее постричь в монахини, что происходило в Рождественском монастыре под руководством игумена Никольского монастыря в декабре 1525 г.

Никольский монастырь упоминается на одной из самых трагических страниц истории русской церкви: противостоянии митрополита Филиппа II Кольчева и царя Ивана IV. Митрополит отказался одобрить злодеяния царя, он не примирился с ними и открыто, не боясь мести, обличал их с амвона. Как писал иноземец, состоявший на русской службе, «хвала и честь ему перед всеми за то, что он, бесстрашная, храбрая душа, во всем держал сторону справедливости, не жалея своей собственной жизни». Первое открытое столкновение произошло в кремлевском Успенском соборе, когда митрополит обратился к царю с увещанием остановить беззакония и кровопролитие: «Учал митрополит Филип с государем на Москве враждовати о опришнине». Неустрашимый митрополит произнес: «До каких пор будешь ты проливать без вины кровь верных людей и христиан... Татары и язычники и весь свет может сказать, что у всех народов есть законы и право, только в России их нет...» (как злободневно, а ведь это было сказано в XVI столетии!).

Царь в ответ потребовал молчания: «Доселе я излишно щадил вас, мятежников: отныне буду, каковым меня нарицаете!» Митрополит Филипп в тот же день демонстративно «вышел из двора митрополича и жил в монастыре у Николы Старого». И в дальнейшем митрополит не молчал, но по наущению царя собор послушных церковных иерархов по ложному обвинению низложил его. Филипп же ответил на несправедливые обвинения так: «Лучше умереть невинным мучеником, нежели в сане Митрополита безмолвно терпеть ужасы и беззакония сего несчастного времени». Во время богослужения Филиппа в Успенский собор ворвались опричники, схватили его, сорвали священнические облачения и отвезли в Никольский монастырь, а

оттуда в Тверской Отроч монастырь, где он встретил смерть от рук Малюты Скуратова, задушившего Филиппа.

В Никольском монастыре под покровительством патриарха работала мастерская выдающегося писца Михаила Медоварцева, выполнявшая заказы самого великого князя, а также его приближенных и высших церковных иерархов. Он трудился в монастыре около 30 лет – с конца XV в. до 1531 г. Сам же Михаил Медоварцев находился в центре общественно-политической жизни, был знаком со многими выдающимися деятелями своего времени.

Этот монастырь был в продолжение многих сотен лет центром греческой колонии в Москве, особенно расцветшей в XVII в. – один из иноземных путешественников считал, что она сравнима с большим поселением греков в Риме.

Именно Никольский монастырь был выбран для помещения монахов из Греции, из афонского Иверского монастыря: в 7161 г. (то есть в 1652–1653 гг.) «по благословенью Никона патриарха, а по челобитью Афонские горы Иверского монастыря архимандрита Клима с причетники для приезжих греческих властей и старцев и гречан дан для отправления божественных служб греческим языком... Николаевской монастырь...». Их обеспечили денежным жалованьем, а кроме этого, еще выдавали «попом же и дьяконом и старцом по 2 кружки пива, по кружке меду; понамарю и слушкам по кружке меду, по кружке пива человеку на день». В Москву греки часто приезжали за милостыней и вспомоществованием – как язвительно выразился патриарх Никон, обращаясь к восточным патриархам, приехавшим в Москву, «вы, бродяги, турецкие невольники, шатаетесь всюду за милостыней».

В 1666 г. в Москву привезли копию с Иверской иконы и поставили в монастырскую часовню. Из монастыря икону перенесли в 1669 г. в нарочно тогда устроенную часовню у Воскресенских ворот. Тогда же монастырю дали «жаловальную» грамоту, в которой подтверждалась принадлежность ее Иверскому Афонскому монастырю: «Дан им в Иверской монастырь в подворье и для отправления службы Божией Греческого языка». В этой грамоте повелевалось присылать каждые четыре года архимандрита и четырех старцев для отправления религиозных служб на греческом языке и, что примечательно, под страхом опалы и гнева запрещалось им привозить с собой для продажи заграничные товары – видно, и тогда москвичи были падки на заморские соблазны.

Цари имели большое уважение к грекам и греческому православию: монастырь освободили от казенных податей и сборов, а монахи приезжали без платежа прогонных денег. Не только богослужебные вопросы интересовали власти. Монахи были знатоками греческой кухни и угощали ею самого царя: так, например, в 1658 г. на первой неделе Великого поста архимандрит монастыря Дионисий и келарь Евсигней «строили кушанье государю патриарху по-Гречески».

Власти поддерживали монастырь и давали ему «ругу» (руга – «годовое содержание попу и причту»). Вот одна из записей выдачи ее: «В Николаевской Старого, что за Иконным рядом, годовые руги и молебных: Архимандриту 6 руб. – Черному попу 3 руб. – Дьякону 2 руб. – Просвиряку 20 алтын 3 деньги. – Двенадцати старцам по 9 алтын человеку... На дрова 8 руб.». Исстари повелось, что в Никольском монастыре давали клятву на кресте, необходимую при судебных разбирательствах, монастырь имел с этого доход, но и после отмены крестного целования монахам возместили убытки: «Им же вместо тех денег, что они собирали у записки крестоприводства, даетца по 20 руб. на год». Екатерина II распорядилась «отпускать всю сполна» положенную по штату монастырю сумму, «не чиня в той штатной сумме, по иностранному и их незнанию великороссийских обрядов, никаких счетов».

Никольский монастырь являлся центром греческой колонии в Москве, проводником образованности и просвещения. Знаменитый московский митрополит Платон вспоминал, что, будучи студентом Славяно-греко-латинской академии, он приходил в Никольский монастырь изучать греческий язык.

Конечно, не только греки-монахи были связаны с Никольским монастырем, но и вообще для московских обывателей он был связан с купцами-«гречанами», которые открывали свои лавки и харчевни вокруг него. Вот, скажем, такое объявление было напечатано в 1836 г. в «Московских ведомостях»: «Сим честь имею известить Почтеннейшую Публику, что на сих днях получены мною из Одессы: турецкое варенье, называемая халва, каракатицы, свежая маслина, высокого сорта черешневые чубуки, лучшее греческое мыло, левантский кофе, арабский табак... Умеренною ценою и добротою моих товаров я надеюсь приобрести ту доверенность Г-д покупателей, которою я уже пользуюсь от многих, посещающих мой магазин, состоящий на Никольской улице, во флигеле Греческого монастыря, рядом с часовнею Св. Николая Чудотворца. Грек Георгий К. Амунжа».

В Никольском монастыре находилось три церкви, судя по записи о пожаре 1564 г., когда сгорели две деревянные церкви, «да у Николы погорели верхи», откуда можно предположить, что Никольский собор был уже тогда не деревянным, а каменным. К 20-м годам XVIII в. собор обветшал, и монахи послали властям прошение: «Церковь св. Николая, что называется Старые Большие Главы в Иконном ряду в Греческом монастыре, от престарелости и от горелости сломана и вновь застроена и кроме невеликого подаяния православных, иных помощников к тому строению не имеют... Того ради просят, дабы учинить подаяние на помянутое строение церковное, что Царское Величество соизволит и будут не токмо они здесь, но и протчие отцы и братия их сущие на св. Афонской горе в монастыре Пресвятыя Богородицы Иверския вечно Господа Бога молить о царском здравии и о спасении».

Разобрали ветхий монастырский собор в 1723 г. и в следующем году построили нижнюю Никольскую церковь, а над нею иждивением князя Дмитрия Кантемира построили еще одну в 1735 г. и освятили во имя Иверской иконы Богоматери 18 сентября. В церкви находились древние иконы греческого письма в серебряных ризах и с серебряными лампадами перед ними. Это строительство, по преданию, было связано с трагическим событием, якобы происшедшим в семье Кантемир: дочь князя Мария 15 августа 1734 г. проезжала по Никольской в карете, лошади понесли, и Мария была убита. Однако на поверку возведение Успенской церкви никак не связывалось с этим происшествием – Мария Кантемир умерла в 1757 г. В 1737 г. одну из монастырских церквей (Константина и Елены 1643 г.) обратили в монашеские кельи, «понеже в оном храме престольное место старое обломано и глав на том храме не имеется, а братии того монастыря жить негде».

К концу XVIII столетия соборный храм монастыря пришел в ветхость и в 1795 г. был заменен новым строением и, как пишется иногда, по проекту знаменитого зодчего Матвея Казакова, хотя и в списках его работ этой постройки нет. Судя по фотографии, сделанной для альбома Найденова в 1880-х гг., это был храм с классическими портиками и пологим куполом, на котором высилась стройная купольная беседка с маленькой главкой.

Крупные перестройки произошли в конце XIX столетия: старые кельи заменили новыми, чьи торцевые фасады выходят на Никольскую (правый корпус имеет свой номер 13, отличный от номера здания монастыря). Это строительство производил по своему проекту архитектор К.Ф. Буссе в 1893 г., причем в левом (если смотреть со стороны улицы) сохранились два старых этажа со сводами (примерно начала XVIII в.). Сейчас этот корпус бывших келий отрезан от монастырского участка проходом с Никольской на площадь Революции.

В начале XX в. монастырь, следуя своему соседу, Заиконоспасскому монастырю, также строит большое доходное здание по линии Никольской улицы. В 1901 г. архитектор Г.А. Кайзер возводит строение, украшенное несколько грубоватыми деталями в русском стиле, с воротами в центре под колокольной.

В советское время Никольский монастырь, конечно, был закрыт, в его помещениях процветал «союз воинствующих материалистов» во главе с Бухариным. В 1935 г. единственный монастырский собор разрушили.

В XVIII столетии Никольский монастырь оказался связанным с семьей Кантемир. Молдавский господарь князь Дмитрий Кантемир заключил в 1711 г. с Петром I договор о союзе против Турции и переходе Молдавии в состав России. Но война с Турцией кончилась провалом и чуть ли не пленением самого Петра. Дмитрий Кантемир вместе с 4 тысячами молдаван прибыл в Россию, где им были даны земельные владения. Сам князь получил большие поместья на Украине, а в Москве ему приготовили двор с каменными палатами, принадлежавший купцу Шустову и находившийся у Варварских ворот Китай-города. Князь Кантемир прибыл в феврале 1712 г., но двор Шустова почему-то не подошел для него, и князю выдали из казны 6 тысяч рублей, на которые он в 1721 г. выстроил в Петербурге дворец на набережной Невы. Где именно жил он в Москве между 1712 и 1721 гг., точно неизвестно, но в литературе встречаются утверждения, что рядом с монастырем находился участок (на месте дома № 13), якобы пожалованный Петром I князю Дмитрию Кантемиру, хотя и неизвестны какие-либо документы, подтверждающие такое пожалование. Возможно, это предположение возникло потому, что Кантемиры благодарили Никологреческому монастырю, строили там храм, в котором был похоронен глава семьи князь Дмитрий, его жена Кассандра, сын – известный поэт и дипломат Антиох – и другие члены семьи.

Надо отметить, что Никольский монастырь как-то был связан и с грузинами: в 1669 г. в нем состоялось погребение грузинского митрополита Епифания, которого отпевал сам патриарх, в нем же была похоронена царица Екатерина Георгиевна, а также грузинские князья Давыдовы.

В советское время перед разрушением собора Николо-греческого монастыря представители румынского посольства настояли на передаче им праха князя Дмитрия Кантемира, и коммунисты приняли решение согласиться. Инициатором передачи выступил Йон Дическу, румын, член партии большевиков, живший и репрессированный в СССР. По словам его сына, он, «проходя по Никольской улице, увидел, что рабочие ломают цоколь какой-то церкви. Тут он вспомнил, что Дмитрий и Антиох Кантемиры были захоронены где-то в центре Москвы в греческой церкви. Не здесь ли?

Отец поднялся на паперть. Греческий священник был с ним сух, говаривать не желал. Но когда отец стал выходить из церкви, тот окликнул его по-румынски:

– А вас очень интересуют Кантемиры?

– Очень!

И они разговорились. Священник даже притащил вина. А потом, взяв топор, стал поднимать какие-то доски, устилающие плиты в церкви, и вскоре под ними отец прочитал: „Дмитрий Кантемир“ и „Антиох Кантемир“.

В тот же вечер отец сел за пишущую машинку. В своем письме в Народный комиссариат иностранных дел он на усмотрение Советского правительства выдвинул предложение – передать прах Кантемиров в Румынию для погребения. Эта передача станет великим дружеским жестом в тот момент, когда между нашими странами установились нормальные дипломатические отношения.

На следующий день после отправки письма в Наркомат греческую церковь ломать перестали. Группа археологов в присутствии представителей румынского посольства – сам отец, как он рассказывал, „не имел права с ними общаться и поэтому стоял в стороне“ – подняла чугунные плиты».

По воспоминаниям участника эксгумации, сотрудницы Исторического музея, «скелет Д. Кантемира сохранился хорошо, но череп истлел, однако его остатки, безусловно, были тут же. Хорошо сохранились сафьяновые с загнутыми носками сапоги. Некогда красные, они побурели. На Д. Кантемире были кафтан с галунами и матерчатый пояс. Для полной уверенности в том, что извлеченные останки принадлежат именно Дмитрию Кантемиру, мы осмотрели соседнее погребение его сына Антиоха Кантемира. Костяк оказался сильно разрушенным. Череп же

и одежда сохранились великолепно. Запомнились туфли на каблуках с обрезанными носами, по-видимому, светлые, с огромными атласными белыми бантами и пряжками. Камзол голубого цвета с роскошным серебряным шитьем, с серебряными же пуговицами. В деревянном гробу на специальном листе останки Д. Кантемира в течение некоторого времени лежали в одном из залов Государственного исторического музея». Как было рассказано в журнале «Москва», «прах Д. Кантемира в оцинкованном гробу был перевезен в Одессу, а затем морем в Констанцу. Над дорогами Румынии во время движения процессии звенели колокола. По ночам в руках у крестьян, встречавших прах мудрого Кантемира, горели факелы... патриарх Румынии во всем своем торжественном облачении сопровождает процессию».

Остальные захоронения в Никольском монастыре, и в их числе дипломата и знаменитого поэта Антиоха Кантемира, были уничтожены коммунистами вместе с собором.

Теперь на месте собора небольшой и захламленный дворик, окруженный бывшими монастырскими постройками, занятыми какими-то мелкими учреждениями.

Жемчужина Никольской улицы – здание (№ 15), украшенное прихотливыми башенками, резными колонками, готическими арками, самое необычное на Никольской улице, да и, наверное, во всей Москве. На фасаде его целых двое солнечных часов, выше их две мемориальные доски с трудноразбираемым текстом и изображения единорога и льва, стоящих на задних лапах, а во дворе, закрытое от посторонних взглядов, еще одно московское чудо – так называемый «Теремок», двухэтажное строение с фигурным крыльцом, в стиле русской архитектуры XVII в.

Все это бывшая Московская Синодальная типография, здания которой были построены на месте древнего Печатного двора, называемого родиной книгопечатания в Московском государстве.

Памятник первопечатнику Ивану Федорову

Появление книгопечатания в России было вызвано чисто практическими причинами. Как писал сам Иван Федоров в послесловии к своему «Апостолу», из-за того, что в рукописных книгах было много ошибок «ненаученых сущих и неискусных в разуме» переписчиков, царь Иван IV вместе с митрополитом Макарием «начать помышлять, како бы изложити печатныя книги, яко же в Греках, и в Венеции, и во Фригии, и в прочих языцех, дабы впредь святыя книги изложилися праведне». Царь Иван IV, как рассказывает Карамзин, задумал «обогащить Россию плодами искусств чужеземных» и с этой целью в 1547 г. послал саксонца Шлитте, бывшего в Москве, с заданием набрать в Европе различных специалистов, в числе которых должен был приехать и типографщик, но Ливонский орден не пропустил их в Московию. Иван

IV просил также датского короля прислать ему мастера для организации в Москве типографии, которым, возможно, был Ганс Миссингер, привезший из Дании станок и печатные книги, судьба которых осталась неизвестной. Однако возможно, что их использовали для изготовления первых, недатированных печатных изданий. Считается, что они вышли примерно в 50–60-х гг. XVI столетия, а вот где их печатали, неизвестно: они так и называются – книги анонимной типографии. Имя печатника также неизвестно, но, правда, в документе 1556 г. встретилось имя Маруши Нефедьева, где он назывался «мастером печатных дел», и очень возможно, что именно он и был печатником первых книг в России. Первые русские типографы уже имели какой-то опыт, полученный ими от иноземных умельцев: «Искусни бяху и смыслени к такому хитрому делу; глаголют же нецыи о них, что от самех фряг то учение прияста...» Об этом говорит и само слово, обозначающее типографию, – «штанба», которое заимствовано русскими из итальянского (фряжского) *stampa*.

Бесспорным автором первой датированной книги является Иван Федоров, дьякон кремлевской церкви Николы Гостунского, работавший на Печатном дворе вместе с Петром Мстиславцем. Книга начала печататься 19 апреля 1563 г. и была выпущена в свет 1 марта 1564 г., через 120 лет после Гутенберга. Это был «Апостол» – часть Библии, где рассказывается о жизни и деяниях апостолов, учеников Христа. «Апостол» был высокохудожественным произведением искусства, оказавшим большое влияние на последующую историю книгопечатания и даже на создание рукописных книг.

После выпуска «Апостола» оба первопечатника успели напечатать «Часовник» (сборник молитв, служивший и учебником), но дальнейшая работа мастеров стала невозможной: они были вынуждены покинуть Печатный двор, да и вообще Москву навсегда. Сам Иван Федоров так рассказывал об этом событии: «От земля и от отечества и от рода нашего изгна и в ины страны незнаемы пересели», так как «презельнаго ради озлобления часто случающегося нам не от самого того государя, но от многих начальник, и священно началник, и учитель, которые на нас зависти ради многия ереси умышляли, хотячи благое в зло превратити и Божие дело вконец погубити». На печатников ополчились ревнители старины, не желавшие никаких реформ и видевшие в исправлении богослужебных книг покушение на жизненные основы. Федоров и Мстиславец смогли увезти с собой гравированные доски и, оказавшись в Польше, продолжить книгопечатание.

Нам ничего не известно о ранней истории Печатного двора, так как документы его сгорели в пожар 1626 г. Можно утверждать, что в 60-х гг. XVI столетия он находился на этом же месте на Никольской: иностранец, опричник Генрих Штаден, бывший в Москве в 1565–1570 гг., рассказывает в своих записках, что по направлению Никольской за Земским двором находился Печатный двор, а в челобитной типографшика Анисима Радишевского, датированной 1588 г., сообщается, что «двора-де у него нет, живет на Печатном дворе».

Как и многие другие строения в Китай-городе, Печатный двор на Никольской сгорел в 1611 г. во времена Смуты: «Таковое доброе дело печатный дом и вся штанба того печатного дела от тех супостат разорися и огнем пожжена бысть и погипе до конца и не остася ничтоже такового орудия».

После освобождения Москвы от польских войск типографию восстановили сначала в Кремле, в дворцовой набережной палате, а на старом месте, на Никольской улице, в это время производился ремонт старых и строительство новых помещений. Сюда Печатный двор переезжает в 1620 г. Он интенсивно работал на протяжении XVII в. и первой половины XVIII в., превратившись в большое предприятие с несколькими типографскими станами и наемными рабочими. На Московском Печатном дворе работали известные типографшики Андроник и Иван Невежи, Анисим Радишевский и Аникита Фофанов, были выпущены «Азбуки», пользовавшиеся большим спросом, популярные учебники «Грамматика» Смотрицкого и «Арифметика» Магницкого, «Уложение», «Букварь», «Таблицы логарифмов». Тут же печаталась первая

русская газета «Ведомости». Благодаря исследованиям И.В. Поздеевой с сотрудниками, выяснившими репертуар выпускаемых книг, а также тиражи, цены и методы торговли, было доказано, что Московский Печатный двор стал общенациональным культурным явлением. Оказалось, что книги приобретались совсем не только духовенством и знатью (знаменитый князь Дмитрий Пожарский был усердным посетителем книжной лавки Печатного двора), а пользовались спросом и у купцов, и чиновников, и стрельцов, и мастеровых, и других слоев населения.

Самое старое здание Печатного двора находится во дворе Историко-архивного института (еще недавно туда можно было пройти и посмотреть на это живописное строение). Благодаря исследованиям известного археолога А.Г. Векслера обнаружено, что подземный ярус сложен из кирпича, характерного для конца XV – начала XVI столетия, и что найденные терракотовые плитки тождественны плиткам кремлевской Ризположенской церкви, датируемой 1484–1486 гг., а по конструктивным особенностям можно уверенно утверждать, что он был сооружен ранее Китайгородской стены, то есть раньше 1535–1538 гг. Следовательно, его подземный этаж относится к древнейшим гражданским сооружениям Москвы. В 1679 г. артель каменщиков Степана Дмитриева и Ивана Артемьева на старом основании построила новое здание, где находилась корректорская, или, как называли ее в старину, «правильная палата». В 1872–1875 гг. трудами историка В.Е. Румянцева здание отреставрировали, верх его очень удачно перестроен в русском стиле XVII столетия архитектором Н.А. Артлебенем (он же искусно декорировал фасады зданий, выходящих на Театральную площадь). Интерьеры расписаны также в древнем стиле палехскими живописцами. В 1875 г. «Теремок» посетил император Александр II.

Здание «Теремка», несмотря на превратности судьбы, сохранилось. Такой, казалось бы, ревнитель русской старины, как историк и собиратель М.П. Погодин, выступил в городской думе с предложением сломать здания типографии и вместо них построить торговые помещения, которые могли бы дать городу доход, но этому удалось помешать: «Это значило бы оказывать неуважение к древности, оскорбительное для памяти иерархов, трудившихся над исправлением книг и над духовным просвещением России вообще». В конце 1920-х – начале 1930-х гг. прошлого столетия в этом здании помещался музей типографского дела, и очень жаль, что он сейчас не существует.

В XVII в., кроме этого каменного строения, на Печатном дворе находилось множество деревянных строений, занятых словолитней, переплетной, разными мастерскими, кузницей и прочими.

Известно, что после пожара 1626 г. Печатный двор был огорожен деревянным забором с воротами на Никольскую улицу, богато украшенными резьбой и ярко раскрашенными резчиками и знаменщиками двора. В 1642 г. по повелению царя Михаила Федоровича на Печатном дворе начали строить большие каменные палаты; стройкой распорядился каменных дел подмастерье Трефил Шарутин (он известен как зодчий Теремного дворца в Кремле), а в 1644 г. «почали ворота каменные делать». В архивном документе сообщается, что тогда выдали деньги «подмастерью Ивану Неверову», и также, что «у того дела был немчин Христофор», – это был тот самый Христофер Галлоуей, строивший башню Фроловских (Спасских) ворот Кремля. Над воротами возвели стройную шатровую башню высотой 13 сажень (более 26 м), а по обе стороны от входа в ней поместили книжные лавки.

В 1773 г., в ночь с 8 на 9 сентября, в башне Печатного двора прошла трещина, и ее пришлось разобрать, а в 1810 г. приступили к разборке и всего старинного корпуса по улице из-за его ветхости. Историк М.П. Погодин вспоминал, как он юношей проходил мимо разбираемого строения и когда подломили стену, то она с ужасным треском упала и Погодина ушибло камнем. «Очень живо помню себя, – писал он, – в фризовой шинели оленевого цвета, лежащего в углу дома Кусовского и горько плачущего» (дом Кусовникова, а не Кусовского, находился на углу Богоявленского переулка, № 8. – *Авт.*). Проект нового здания типографии принадлежал архитектору И.Л. Мироновскому и был сделан в модном готическом стиле, считавшемся

необходимым для постройки зданий, где надо было подчеркнуть их связь с русской стариной. Из-за войны с Наполеоном его достроили только в 1814 г. Новое здание выделяется островерхими, готическими завершениями оконных проемов, такими же острыми башенками на крыше, обилием резных украшений, из которых обращают внимание резные полуколонны в центральной части фасада, нижняя часть которых сохранилась от старых ворот XVII в., и... неожиданно над всем этим великолепием глаз натывается на герб Советского Союза, где ранее был двуглавый орел.

Еще одно неожиданное изображение находится на центральной части фасада – это фигуры поднявшихся на задние лапы льва и единорога, геральдических животных английского герба, и неудивительно, что они вызвали недоуменные вопросы британских путешественников. Капитан Джеймс Александер, побывавший в Москве в 1830 г., вспоминал, что он «был поражен видом английского герба над входом в типографию Святого Синода, помещенным здесь, как говорят, потому, что тут стоял дом английского посланника во времена королевы Елизаветы». Другой путешественник обратился за разъяснением к самым знающим людям в Москве. Одним из них оказался московский полицмейстер генерал Трепов, а вторым – историк Забелин. Первый, по мнению англичанина, дал наиболее правдоподобное объяснение: «В старину Никольская считалась посольской улицей, где жили все иностранные послы, среди которых был и английский, приказавший изобразить на посольском здании герб, от которого остались только лев и единорог». Забелин же, «великий знаток древней Москвы», предположил, что здание «первоначально принадлежало Романовым, которые и поместили на нем свой фамильный герб со львом, но под влиянием иностранцев присоединили к нему и единорога, для того чтобы сделать изображение симметричным». Но все эти объяснения, используя английское выражение *do not hold water*, не выдерживают критики. На изображения льва и единорога обратили внимание ученые в XIX в. В.Е. Румянцов, автор прекрасного исследования 1869 г. о зданиях Печатного двора, считал, что эти изображения, «занимавшие почетное место в восточной символической, были известны у нас еще до знакомства с Англичанами. По важному символическому значению, которое придавалось этим фигурам в древности, они перешли даже и в область нашей геральдики... Единорог, вероятно как символ единодержавной власти, является на печати Грозного и почти всех его преемников до царя Алексея Михайловича. Лев и единорог вместе весьма часто встречаются на царских утварях, тронах, зданиях и знаменах».

Правда, определенную настороженность вызывает то обстоятельство, что строителем башни, на которой изображены животные с английского герба, был все-таки англичанин – Кристофер Галлоуэй, и вполне можно предположить, что это он «виноват» в появлении английского герба на здании Печатного двора...

Геральдические животные держали когда-то вензель императора Александра I, при котором и было построено здание, а справа и слева от герба на досках помещен следующий текст:

БОЖИЕЮ МИЛОСТІЮ И ПОВЕЛѢНІЕМЪ БЛАГОВѢРНАГО И
БЛАГОЧЕСТИВАГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО ВЕЛИКАГО ГОСУДАРЯ
И ВЕ ЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ѲЕОДОРОВИЧА ВСЕЯ РУСИ
САМОДЕРЖАВЦА И СНА ЕГО ГДРЯ БЛАГО ВѢРНАГО И
ХРИСТОЛЮБИВАГО ЦАРЕВИЧА И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСѢЯ
МИХАЙЛОВИЧА ВСЕА РУСИ ЗДѢЛАНЫ БЫСТЬ СІИ ПОЛАТЫ И
ВОРОТА НА ДВОРѢ КНИГО ПЕЧАТНАГО ТИСНЕНІЯ В ЛЕТО 7155
МСЦА ІЮНІЯ В 30 ДЕНЬ

ПОЛОЖЕНО ОСНОВАНІЕ СЕМУ ЗДАНІЮ ДЛЯ ПЕЧАТАНІЯ
КНИГЪ ДУХОВНЫХЪ ПО СЛОМКѢ ЗА ВѢТХОСТІЮ СТАРАГО НА
ТОМЪ ЖЕ МЕСТѢ ВЪ ЛѢТО ОТ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА 1811,

А ОТСТРОЕНО ИЖДИВЕНИЕМЪ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ ВЪ 1811 ВЪ БЛАГОПОЛУЧНОМЪ ЦАРСТВОВАНИИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

(В шестой строке должно быть 1814, но часть цифры 4 отвалилась, и она превратилась в единицу.)

Постройка зданий Печатного двора продолжалась в 80-х гг. XVII в., а также в середине XVIII в.: перпендикулярно зданию, стоявшему по линии Никольской, возвели два корпуса – слева в 1747 г. (архитектор И.Ф. Мичурин; на первом этаже можно увидеть старинные своды, в 1898 г. его надстроили третьим этажом), а справа в 1756 г. (архитектор Д.В. Ухтомский, в 1871 г. вместо него новый корпус построен архитектором М.Н. Чичаговым, третий этаж – в 1890-х гг.). С восточной стороны двора построили каменный корпус для того, чтобы «академические учителя и прочие, кто возжелает, удобно могли заниматься чтением библиотечных книг». Однако после покупки соседнего с востока владения (№ 17) и сломки там старого дома по линии Никольской улицы выстроили большое здание, где и поместили типографскую библиотеку. Она была одной из самых лучших московских библиотек, где собирались книги, необходимые для переиздания в типографии, и первой публичной библиотекой в России. Теперь книги этой библиотеки сохраняются в Архиве древних актов в Москве.

В типографии Печатного двора по указу Петра I напечатана первая русская газета, положившая начало русской периодической печати. Сначала она печаталась славянским шрифтом, но с 1708 г. ввели новый гражданский. Словолитец Печатного двора докладывал, что делались «пунсоны и матрицы против образца рукописного, который прислан из военного походу». Петр сам исправил представленный ему алфавит, написав «Сими литерами печатать исторические и мануфактурныя книги». Первой книгой, отпечатанной гражданским шрифтом в типографии на Никольской улице в марте 1708 г., была «Геометрия славенски землемерия».

В 1721 г. Печатный двор передали в руки духовного ведомства, и он стал Московской Синодальной типографией, дожившей до большевистского переворота 1917 г. Она была одной из самых больших и хорошо оборудованных типографий в России. Синодальная типография стояла у колыбели значительной российской типографии – Московского университета, куда передали несколько печатных станков и перешли работать искусные мастера. Интересно отметить, что все цеха-мастерские в типографии имели собственные имена, данные по иконам, находившимся в них: Спасская, Казанская, Николаевская, Сретенская и др. В XIX столетии в типографии поставили скоропечатные машины, движимые сначала паровой машиной, которую купили у известного издателя Николая Полевого (его журнал «Московский телеграф» запретил Николай I, и ему пришлось распродавать оборудование), а впоследствии и электричеством, для чего построили собственную станцию. В XX в. в типографии стояла ротационная машина, типография обладала прекрасным набором шрифтов, среди которых были и такие редкие, как коптский и сирийский, а продукция ее была отмечена высшими наградами на Всероссийской Нижегородской ярмарке 1896 г. и Всемирной Парижской 1900 г.

В Синодальной типографии работали известные ученые. В 1909 г. управляющим был Александр Сергеевич Орлов, впоследствии академик, известный литературовед; архивом и библиотекой заведовал историк, археограф Алексей Алексеевич Покровский, автор многих трудов по истории русской книги. Оба они – авторы описания Синодальной библиотеки и работ по истории московского книгопечатания.

В 1918 г. здания ненадолго занял Комитет государственных сооружений и общественных работ ВСНХ, а Синодальную типографию передали в типографию «Гознак». Потом в этом здании хранились архивы историко-культурной и экономической секций Единого архивного фонда. Там же помещались редакции журналов «Красный архив» и «Архивное дело», находилось Центральное архивное управление, и неудивительно, что именно в этом здании в 1930 г. открыли подготовительные курсы по архивоведению, преобразованные через два года в Исто-

рико-архивный институт имени историка-марксиста М.Н. Покровского, ставший частью Российского государственного гуманитарного университета.

Историко-архивный институт окончили многие крупные историки, в числе которых В.И. Буганов, Я.В. Водарский, Н.И. Павленко, С.М. Троицкий; там преподавали такие видные ученые, как С.Б. Веселовский, Ю.В. Готье, В.И. Пичета, Е.В. Тарле, М.Н. Тихомиров, С.К. Боговлянский, Н.В. Устюгов, В.К. Лукомский, С.О. Шмидт.

Институт в последнее время стал центром москвоведения, созданным известным историком В.Ф. Козловым, там регулярно проходят встречи краеведов, представления и обсуждения новой литературы.

Участок рядом (№ 17) граничит с участком Печатного двора, которому он когда-то и принадлежал. До Печатного двора здесь были два двора, владельцы которых обозначены на «Петровом плане» Москвы конца XVI в. Одним из них, левым, владел «немчин» Белобород, как прозвали в Москве купца Джона де Вейла, которого вместо Джона звали Иваном, вместо де Вейла прозвали Девахой и, вероятно, по седой бороде – Белобородом. Судя по имени, он был англичанином, но английский посол его называл нидерландским купцом Яном де ла Валле, выдававшим себя за подданного Испании, и в одном из документов его именовали «Испанской земли гость из Антропа-города», то есть из Антверпена. Он приехал в Москву в 1577 г. и часто привозил царю Ивану Грозному предметы роскоши, «всякие узорочные товары», чем и заслужил, в отличие от английских купцов, которые «николи таких товаров не приваживали», благоволение царя. Англичане, соперничавшие в овладении русским рынком с нидерландскими купцами, жаловались, что он торгует в России «к великой их помехе». Московские власти в затруднительных случаях прибегали к советам де Валле. Когда, по словам иностранного посла, царь согласился субсидировать императора Священной Римской империи в размере 3 миллионов гульденов для борьбы с турками, он обратился к де Валле за советом – как безопаснее переправить такую огромную сумму за границу. В продолжение десяти дней деньги сплавляли в серебряные пластинки, покрывали их воском и отправляли под видом воска в Архангельск, где погрузили на его корабль и перевезли в Амстердам, а оттуда в Вену.

После де Валле тут жил другой купец – Андреас Фес, после него – нидерландские купцы де Фогелары (Фоглеры). Известно, что один из них – Марк Фогелар с детьми – получил от царя Василия Шуйского жалованную грамоту на торговлю. Этот же двор по переписи 1626 г. записан за «немчином» Юрием Клинкиным, как звали в Москве Георгия Кленка, также нидерландского торговца, комиссионера торгового дома де Фогеларов в России, активно торговавшего хлебом, икрой, льняным и конопляным семенем. Этот же двор на Никольской использовался и как посольский – так, в 1594 г. там жил цесарский посланец Станислав Хлопицкий, а когда после покорения Сибири и разгрома войска царя Кучума в Москве в январе 1599 г. устроили нечто вроде римского триумфа, показательного въезда знатных пленников, то для одного из них, царевича Асманака, сына сибирского царя, предназначили двор на Никольской улице: «На Белобородовом дворе стояти Асманаку царевичу, а в приставах у него быти Савину Воейкову, а с ним два сына Боярских да толмачю... Послати им Государева жалованья: Асманаку ферези багрецовые на черевах на лисьих, кафтан камчат, шапка черна, сапоги сафьяные желты, рубашка да порты» (фerezь – верхняя длиннополая одежда, багрeц – алый цвет, черева лисьи – брюшко шкурки лисы; камчат – сделанный из камки, китайской шелковой ткани).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.